

Барри Ган

АЛАН МИЛН: ВИННИ-ПУХ И ПРОЧИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Алан рос сложным ребенком, вечно гоняющимся за любовью родителей, он всю жизнь доказывал, что достоин её. Не отсюда ли все особенности странного характера Алана Александра Милна, его нелепого брака и саморазрушения в конце жизни?

Кристофер решил спрятаться за пышно разросшимся кустом белых роз, тем более что садовник, мистер Джордж Таскер, уже их обработал и больше сюда не вернется. Из укрытия мальчик видел гравийную дорожку, ведущую к дому.

Звонкий колокольчик уже смолк, и Гертруда, горничная в белом переднике и крахмальной наколке, бежала открывать дверь. По одному только характеру звонка Кристофер знал, что за посетители замерли в благоговейном ожидании за калиткой: сейчас раздастся робкий голос или голоса,

удивленно-восхищенные выражения благодарности — весь этот дурацкий ритуал, повторяющийся без изменений каждый вторник уже несколько лет кряду. Отец Кристофера — Алан Александр Милн в эту самую минуту сидел в своей комнате и работал. То есть писал очередную книгу. Вернее, притворялся, что работает, потому что заливистый колокольчик мог не услышать разве что глухой.

Мысленным взором Кристофер видел, как восторженно ахающего журналиста проводят в дом, где мать мальчика — Дафна поспешно кидается в свою

комнату «привести себя в порядок» и шепотом препирается по своей странной привычке с шеренгой висящих перед ней платьев: «Тебя не надену! Ты выцвело! Твой фасон давно пора на помойку! А ты куда под руку? Тебе сколько лет?» Наконец, расфуфырившись, точно в оперу, мать с «гостевой» улыбкой выплывает на первый этаж, где ее дождался посетитель.

Кристофер наострил уши в своем укрытии. Сейчас мать поведет этого типа показывать дом, вот уже наверняка они зашли в комнату к отцу. Алан Милн сделал вид, что не

ожидал вторжения, хотя едва успел прибрать неискоренимый бардак на письменном столе: книги, разорванные листки, рукописи — все, что обычно захламляло его кабинет.

— Как видите, пишу... — разводит руками отец, не вынимая изо рта трубки.

Кажется, никто из сотен журналистов, которых перевидал Кристофер, не удержался от вопроса:

— Вы написали это здесь?

Отец поджимал тонкие губы, нервно проводя рукой по редющим светлым волосам. Он сразу понимал, какая именно из его книг подразумевается под словом «это».

— Может быть, вас в первую очередь интересует, для чего я вообще пишу?

— неизменно спрашивал Алан и, не дожидаясь наводящих вопросов, начинал перечислять причины, заставляющие его писать. Его нисколько не беспокоило, что одни и те же слова появлялись во всех написанных о нем статьях.

— Прежде всего я пишу для собственного удовольствия и удовлетворения, — улыбаясь, говорил Милн.

— Во-вторых, чтобы доставить радость моей любимой жене, которая всегда и во всем меня поддерживает.

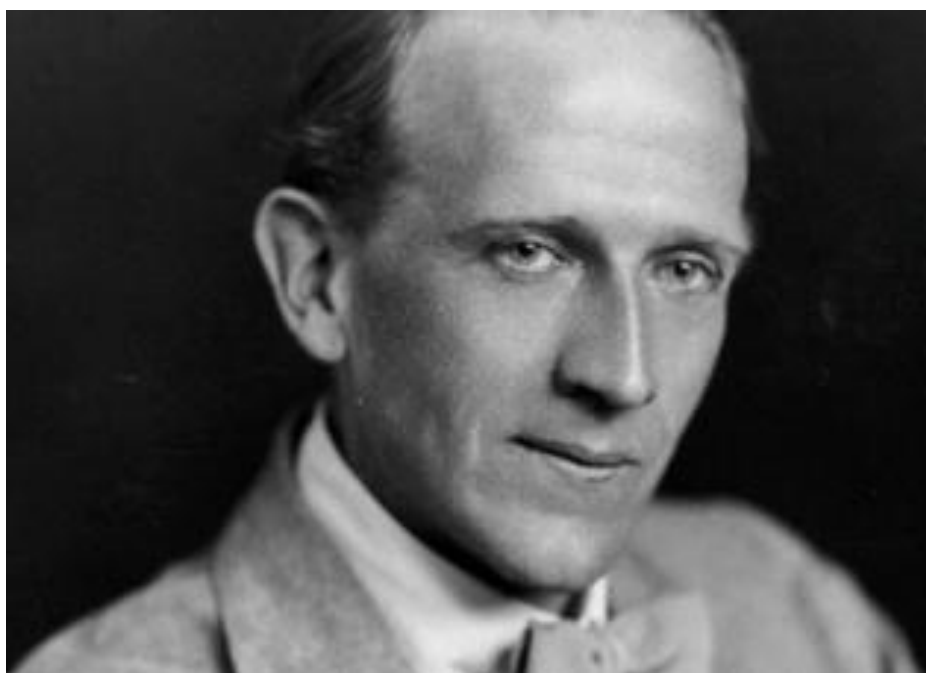
При этих словах расплывается в заученно-любезной улыбке острое лицо миссис Милн, стоящей начеку в дверях.

— Ну и, наконец, я пишу,

чтобы немного развлечь нашего мальчика, — вздыхая, заключает Алан.

Вот это «ну и, наконец, чтобы...» всегда вызывало у Кристофера гнев и обиду. Он на последнем месте по значимости! Много раз ему хотелось выплеснуть свою обиду отцу, но гордость никогда не позволяла показать, как сильно он уязвлен.

Даже журналисты обычно удивлялись подобному заявлению мистера Милна, ведь они ожидали увидеть любящего, заботливого отца, сочинившего лучшую в мире детскую книжку — «Винни-Пух и все-все-все» для своего лучшего в мире единственного сына, являющегося к тому же героем повествования.

— А нельзя ли увидеть мальчика, его комнату и... медвежонка? — непременно просили все посетители.

— Кристофер! — в ту же секунду доносится до притаившегося за кустом мальчишки раздраженный крик матери. — Куда ты исчез? Быстро иди сюда!

«Ни за что! Лучше умру здесь, под розами». О черт, он забыл про Матильду! Лохматый пуделёк со всех ног несется прямо к Кристоферу, за ним бежит няня, за няней — садовник Джордж Таскер; мать Дафна криками

подгоняет их с крыльца.

Долговязый тип, сегодняшний гость, сначала воззрился на мальчика, как на зверушку в зоопарке, а потом стал с преувеличенным энтузиазмом трясти ему руку, так что у худенького Кристофера заболело плечо.

— Это мистер Дориан Рон, — торжественно произнес Алан Милн, обращаясь к сыну, — заместитель главного редактора The Globe. — Крис, покажи гостю свою комнату.

Комната Кристофера была светлой и просторной, с высоким потолком. Не-

сколько игрушек все эти годы так и продолжали безмятежно сидеть на тумбочке рядом с кроватью Кристофера. Хотя, ясное дело, он не притрагивался к ним, но это давно уже стало частью спектакля вокруг его отца, и потому прислуга тщательно следила, чтобы игрушечная композиция не нарушалась. Горничная строго присматривала за тем, чтобы очищенный от пыли Пух смиренно сидел на своем месте.

Два раза в месяц его относили в чистку, а потом приклеивали новые глазупуговицы взамен утерянных и заново пришивали

уши, чтобы медвежонок выглядел не менее прилично, чем остальные члены семьи.

Но сегодняшний гость напрасно искал глазами медвежонка, которого Кристофер успел бесцеремонно затолкать вверх ногами в карман куртки.

— Я его выкинул, из него посыпались опилки, он уже очень старый, — заливаясь краской, произнес Кристофер заранее заготовленный текст.

Гость потрясенно заморгал:

— Вы выбросили свою любимую игрушку? Ту самую, которая...

— Это вовсе не моя любимая игрушка, я люблю машины, крокет и математику! — с вызовом ответил мальчишка.

— Крис, где Пух? — грозно воскликнула мать, кидаясь к кровати сына. — Куда ты его дел, негодник? Он был здесь еще сегодня утром!

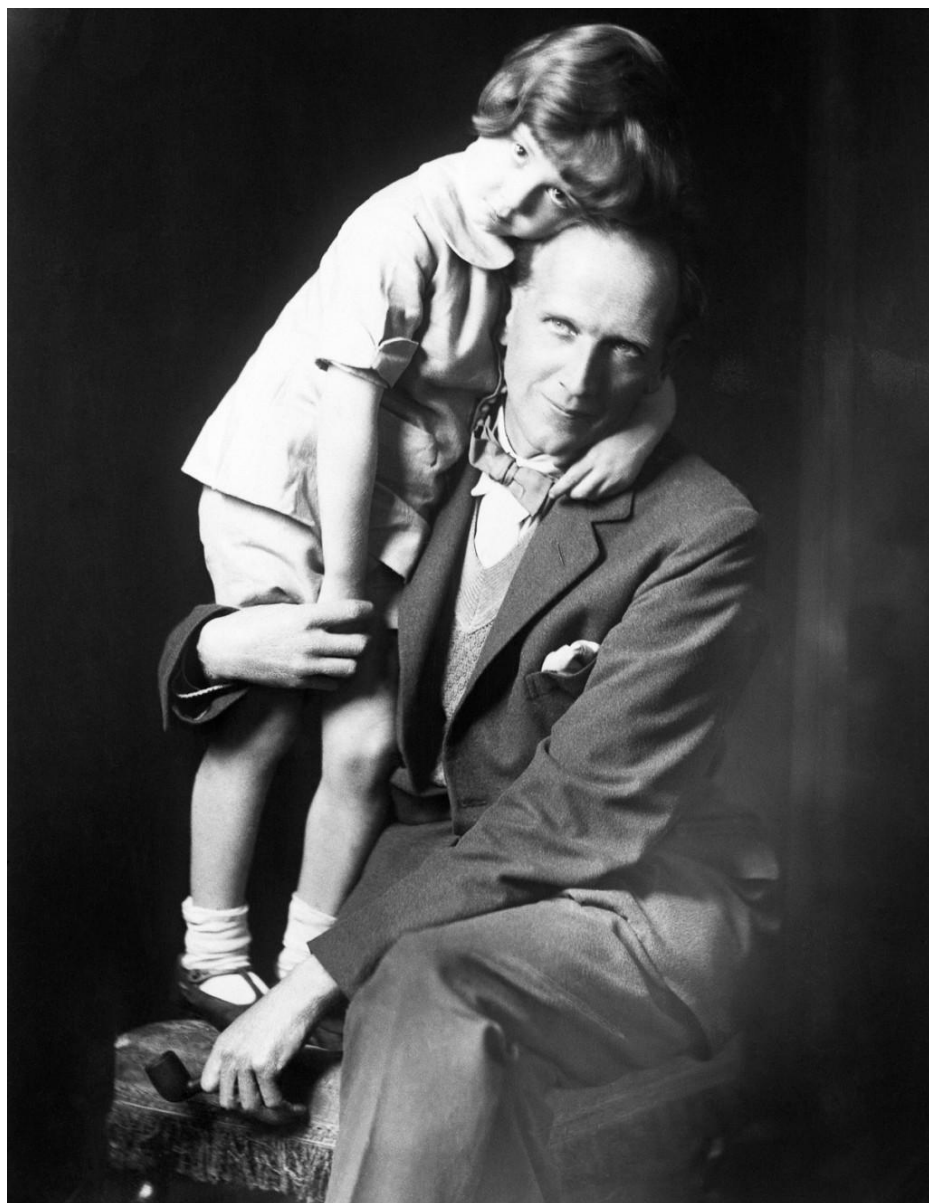
Няня уже волокла сопротивляющегося мальчика подальше от остолбеневшего гостя. Да Кристофер просто пожалел отца и потому не выкрикнул, как собирался, что «Винни-

Пух» — вовсе не его любимая книга, что отец вообще ни разу не читал ее сыну вслух, хотя она появилась в печати в 1926 году, когда Кристоферу исполнилось шесть лет; эту книгу ему много позднее прочла нянька.

Кстати, Пух был моложе Кристофера лишь на год и на самом деле медвежонок звали совсем не Пухом, а Эдвардом; Пухом же звали любимого лебедя Криса в лондонском зоо-

парке; а Винни — это тоже кличка настоящего черного медведя из того же зоопарка, но отец в книге объединил эти два имени и дал их дурацкой игрушке. И никто в их семье не любит Пуха! В их семье все притворяются и никто никого не любит.

Кристоферу в самом деле часто становилось жалко отца, светловолосого голубоглазого «красавчика», как шепталась прислуга на кухне; но Алан

всегда выглядел таким напряженным, будто проглотил шпагу; он никогда не смеялся от души. Сын давно знал, что у родителей несчастливый, показушный брак, но отец, несмотря ни на что, изо всех сил доказывал миру, какая необыкновенно счастливая у них семья.

В тот день, когда Кристофер не хотел выходить к гостю и собирался безжалостно выбросить Пуха (правда, сделать это все-таки не решился), он был очень обижен на отца: тот снова забыл привезти ему из Лондона новую игру, которая была уже у всех его друзей. Зато матери отец закупил целый ворох разноцветных дамских журналов и несколько упаковок шелковых чулок, ради которых, Кристофер знал, Алану пришлось сделать огромный крюк

до Стрэнда; детский же магазин находился прямо по пути к их загородному дому Котчфорд-фарм в Суссексе. И ехал отец в тот день не поездом, а на собственной машине с шофером! Но все равно не заехал. И так всегда...

Все вокруг знали, что Алан Милн обожает свою жену Дафну, и только Алан не замечал, что его знакомые и родственники тер-

петь ее не могут. Кристофер всего пару раз в жизни бывал в богатом лондонском доме бабки и деда де Селинкур, родителей матери, чопорных, неприветливых французских аристократов.

Здесь все блестело и переливалось: натертые полы, зеркала, хрусталь люстр и посуда отражались друг в друге, дорогие восточные ковры, бархат диванных подушек существовали только для того, чтобы на них смотреть; от Кристофера ни на секунду не отклеивалась служанка — не дай бог он что-нибудь тронет пальцем!

Алан Милн тоже чувствовал себя здесь чужим, а посему навещал тестя с тещей крайне редко. Насколько вольготнее дышалось в скромном доме другого деда Кристофера — Джона Милна, отца Алана.

Если кто-то и был теплым и искренним человеком в семействе Милн, так это дед Джон. Добряк со старомодными усами и в проволочном пенсне всю жизнь держал в Лондоне подготовительную школу для мальчиков; сам работал там учителем и считал это занятие самым важ-

ным и почтенным изо всех прочих человеческих профессий.

Он мечтал передать хотя бы одному из троих сыновей семейный бизнес, и как же ему не повезло — ни один из его детей не пожелал стать учителем!

Младший, Алан, рос сложным ребенком, вечно гоняющимся за недостижимой любовью матери Мэри, души не чаявшей в своем первенце Барри и не умевшей это скрывать; Джон Милн старался делать вид, что относится ровно ко всем троим сыновьям, на самом же деле явно предпочитал среднего — Кена; поэтому на Алана любви не хватило, и он всю жизнь доказывал, что достоин ее. Не отсюда ли, думал позже Кристофер, все особенности странного характера его отца, его нелепого брака и саморазрушения в конце жизни?

Главным желанием Алана в детстве было превзойти братьев, и ради этого он был готов на все. Единственным предметом, по которому не успевал Кен, была математика, просто потому, что он терпеть ее не мог. Алан терпеть ее не мог тоже и также не успе-

вал, но обогнать Кена в какой-то момент стало целью его жизни. Алан дожидался, пока брат заснет (они жили в одной комнате), тихонько вылезал из-под одеяла, крался к столу, зажигал свечу и корпел над учебником математики, пока за окном не занимался белесый лондонский рассвет.

Результат был впечатляющим: Алан стал лучшим учеником по этому предмету, его даже называли «математическим вундеркиндом».

В качестве такового Милна-младшего приняли в Кембридж на стипендию, а Кену пришлось поступить в куда более скромный колледж. Забавно, но писателем из двоих братьев вполне мог стать именно Кен — этому долговязому улыбчивому парню с легкостью давалось все, за что бы он ни брался. Однажды Алан увидел, как Кен пишет письма девушке, в которую был тогда влюблен, легкими виртуозными стихами. В душе младшего брата восхищение смешалось с завистью: просидев над письмом Кену восемь часов кряду, Алан написал и ему в стихах тем же размером.

Вслед за Кеном Алан увлекся написанием юмористических статей, охотно печатавшихся в студенческом журнале и пару раз даже принятых в серьезный юмористический журнал Punch. В исторический для мировой литературы день братья Милн поспорили в дешевой лондонской забегаловке, может ли кто-то из них выбиться в серьезные писатели. Кен признался Алану, что всегда мечтал им стать, как их школьный учитель Уэллс, но ему слабо...

— У всех Милнов средние способности, — бросил Кен, залпом выпив противный ягодный морс. Он не знал, что этими словами попал в ахиллесову пятку брата.

Экзамены по математике в Кембридже Алан с треском провалил и вместо первого ученика вышел предпоследним. Впрочем, это больше его не беспокоило: у него появилась другая цель — он станет знаменитым писателем и утрет нос Кену; тем более что, по правде говоря, терпеть он не может науки, а сочинять ему и в самом деле нравится.

Алан пришел к отцу, чтобы уговорить его выплачивать хотя бы минимальные деньги, пока не сможет прокормиться своим пером. Но у отца имелся другой план на его счет: Джон Милн решил, что все же передаст младшему сыну, художественно окончившему Кембридж, семейное дело — школу. Вся жизнь будущего автора «Винни-Пуха» была уже расписана в маленькой кожаной книжечке отца.

Не давая сыну вставить слово, мистер Милн объявил, что на первых порах он как учитель-стажер будет получать столько-то, потом — как совладелец — столько-то; такую-то сумму он будет выплачивать отцу, когда тот выйдет на пенсию; столько денег будет отдавать братьям до конца их жизни, а когда сам Алан в 60 лет выйдет на пенсию, то... Алану казалось, что его поймали, посадили в большую бутылку и сейчас все плотнее и плотнее заворачивают пробку, чтобы он уже никогда не смог выбраться... В 23 года слушать такое совершенно невыносимо!

— Папа, я хочу в туалет, — по-детски пискнул сын,

выскользнул за дверь и был таков. Ему потом рассказывали, что отец плакал, обнаружив, что сын сбежал. Для Джона Милна это означало, что его жизнь прожита зря. Он совсем не знал собственного сына, не догадывался, что внутри Алана жила яростная, свербящая потребность — доказать, что он может больше отца, больше братьев, больше одноклассников...

Вот уже Барри и Кен ежедневно исправно ходили на унылую службу, превратившись в стряпчих, записывали, как научил отец, в специальную тетрадь все свои расходы и в дополнение к скромным зарплатам получали от родителя небольшое содержание. Алан же, отвергнутый отцом, стал белой вороной: на деньги Кена снял убогую комнатенку и принялся сочинять рассказы. Он где-то читал, что многие писатели так начинали, Диккенсу вроде бы еще хуже приходилось. Родня в него не верит? Он им докажет. Его рассказы «Punch» на этот раз отверг? Ничего, он отправит их в «The Westminster». Там тоже не подошло? Алан, вздыхая, писал на конверте адрес газеты «The Globe». В ре-

зультате первого года усилий Алан заработал 20 фунтов и потратил 250, подаренных добряком Кеном. В принципе так могло продолжаться вечно, и другой, помыкавший бы так с годик, давно сдался бы. Но не Алан...

Однажды Кристофер наблюдал, как отец взялся распутывать золотую цепочку жены — тонюсенькая змейка вся перекрутилась и завязалась в десяток крошечных узелков; Дафна повозилась две минуты и бросила. Тогда взялся за дело Алан: он распутывал цепочку, не вставая со стула в течение восьми часов! Все это время он не ел, не пил и не проронил ни единого слова, но своего добился. В этом был весь Алан. Он осаждал журналы еще год; рассказы не брали, отвергнутые рукописи занимали все больше места на письменном столе. Пусть! Алан каждое утро, как настоящий писатель, садился за стол и писал новую порцию — тысячу слов, запретив себе расстраиваться.

Он распутывал и распутывал свою «золотую цепочку»... Наконец Punch напечатал его смешной диа-

лог между двумя борцами, и счастливый автор получил чек на 25 фунтов! С тех пор Punch печатал Алана каждый месяц, давая заказы на полгода вперед.

Это было лучшее время в жизни — когда судьба сулила ему неопределенно-блестящее будущее. Милн мнил себя почти знаменитостью. Он научился завязывать шарф на манер Диккенса и ходил теперь по городу, потупив глаза: ему казалось нескромным смотреть в лица прохожих, ведь они обязаны узнавать его, кланяться, просить автограф... Ему хотелось избавиться от всех этих неудобств. В таких фантазиях он витал. Алан снимал пока все ту же, дешевую комнатенку, и чтобы попасть в нее, нужно было пройти через проходную комнату, которую занимала вечно валяющаяся среди бела дня в постели странноватая парочка; Алан любезно дарил им свои журналы с автографом; но всякий раз пробираясь к себе, он с досадой обнаруживал, что на его драгоценном журнале то стоит чашка с кофе, то спит кошка, а как-то его и вовсе использовали как коврик для грязных ботинок! Оскорбленный

автор выхватил журнал, а разозленный хозяин ботинок врезал наглому хлюпику Милну по физиономии.

Наконец Алан распутал свою цепочку — в 24 года его приняли в штат журнала Punch ассистентом редактора, и он светился от гордости. Коллеги называли его с чуть ироничной растяжкой «сээ-эр», но в принципе любили мальчишку, ведь он в самом деле был талантлив. Оказалось, что писать свои юморески Милн легко может не только в прозе, но и в стихах; он вообще мог слепить смешной сюжет из ничего — Алан сочинял обо всем, что видел. К стене магазинчика на улице притулился подъемный кран? Он станет героем нового скетча и заговорит басом. Потный сопящий муж выуживает из ландо толстую лиловую даму? Секундочку — и вот вам следующая пресмешная история.

... Думая о своем знаменитом отце, уже взрослый Кристофер Милн часто задавался вопросом: в какой момент началось то, что в конце концов привело Алана к катастрофе, к безрадостному, отчаянному существованию,

полной зависимости от матери? Ведь все поначалу складывалось просто отлично: не всякий в такие юные годы становится редактором престижного лондонского журнала, публикует свою первую книгу — «Любовники в Лондоне», сборник эссе «Игра дня», который похвалил сам Джеймс Барри, автор знаменитого «Питера Пэна». Алан был вхож в литературные клубы, его как подающего надежды писателя охотно приглашали на светские вечеринки, тем более что он был очень красив: высокий, голубоглазый блондин, правда, немного скованный...

На одной из светских вечеринок Алан кружил в вальсе воздушное существо, осторожно обняв за талию и боясь дышать, потому что чувствовал — девушка из другого, недоступного мира, из породы райских птиц. Ее звали Дороти де Селинкур, и этот бал был для Дороти, или подомашнему — Дафны, ее первым светским выездом. Алана пригласил сюда старший коллега, тоже редактор Punch — Оуэн Симан, Дафна была его крестницей.

— Только не влюбляйтесь, дружнице, она капризна и несносна, — предупредил Оуэн.

Но Алан уже успел потерять голову от Дафны. Как она умела смеяться! Он никогда такого не видел: запрокинув вверх острое, немного лисье личико, она сотрясалась всем телом, и из ее глаз катились слезы. Именно так она смеялась над шутками Алана, которыми тот беспрерывно сыпал в ее присутствии.

Почему родители Дафны, аристократы де Селинкур, позволили дочери выйти замуж за небогатого начинающего писателя юмористических рассказов? Об этом Алан не задумывался в июне 1913 года, возвращаясь из церкви, где он окольцевал свою райскую птичку.

Он не знал, что Оуэн Симан шепнул присутствовавшему на свадьбе Барри: мол, «бедолага Алан попался», ведь родители не чаяли сбить Дафну с рук хоть первому встречному — ее вздорный характер, вечные истерики и неумная требовательность уже успели доконавать всю родню.

Очень скоро Алан превратился в раба жены, в ее слугу, вечного мальчика на посылках, но при этом

сам считал это счастьем, очередным доказательством того, что выбился в высший круг общества и

удостоился любви тамошних небожителей.

Если бы Дафна, капризно изогнув губки, потребовала, чтобы Алан прыгнул с крыши лондонского собора Святого Павла, он бы скорее всего так и сделал. Во всяком случае, добровольцем на фронт начавшейся через год после женитьбы Первой мировой войны 32-летний Милн отправился исключительно потому, что жене ах как нравились офи-

церы в военной форме, наводнившие город. Девять месяцев он учился на сигнальщика, потом коротал зиму на острове Уайт, где написал свою первую пьесу «Болтовня Вурцеля». Ему показалось, что жанр драматургии дается ему неплохо, и он решил, что будет писать пьесы и дальше. Милн сочинял по ночам, когда выдавалась возможность. Чтобы не сойти с ума, он затыкал уши ватой, поскольку никак не мог привыкнуть к

тому, что вокруг ни на секунду не прекращался круговорот военной суеты: выкрики, ругань, обстрелы, приказы, идиотизм начальства, глупость подчиненных — словом, как он сам потом напишет, «оргия бессмысленности, грохота, жестокости и грязи».

На следующий год его перевели на север Франции, и тогда к нему явилась Дафна в элегантной шляпке, надушенная, наряд-

ная, дико смотревшаяся среди скромно одетых жен других офицеров. Дафна прожужжала Алану все уши, описывая, какие подвиги успел совершить на фронте муж ее подруги Бетти и какие у него теперь нагрудные нашивки! Загляденье! Неужели ради нее муж не готов хотя бы на один подвиг? Что это он прозябает каким-то там сигнальщиком, это же так скучно! Губки Дафны складывались в разочарованную гримаску.

В ту ночь 1918 года Алана запросто могли убить, и мир лишился бы «Винни-Пуха», а Кристофер Робин никогда не родился бы. Офицеры-сигнальщики обычно не участвовали в боях, но тем роковым вечером Милну вдруг вспомнились упреки жены. Дважды думать он не стал: едва закончив смену, выскочил на поле боя, где только что отгремел бой и склон то и дело прошивали случайные пули; дождь и ветер хлестали ему в лицо, когда с перекошенным от усилий лицом он тащил на себе стонущих раненых, в то время как бывалые солдаты выжидали более подходящего момента. По счастью, пуля его миновала, но и к награде Алана

за это геройство не представили: командир счел действия офицера Милна «неадекватными», и его списали «отдыхать» в тыл. Больше Алан на фронт не вернулся — когда срок увольнения прошел, он подхватил тяжелую простуду и его комиссовали.

После войны посыпались неприятности: Милна внезапно уволили из Punch. Боже, каким ничтожеством он себя чувствовал, закрыв за собой дверь издательства! Он никто, он теперь безработный, его писанина никому не нужна! Несколько часов Милн кружил по Лондону, не в силах явиться домой и сообщить ужасную новость жене: ведь на близящееся Рождество он обещал ей поездку в Альпы, в Швейцарию, в самый дорогой отель... Бедняжка Дафна отмечает дни на настенном календаре. Ноги сами принесли Алана к Кену, он любил семью брата, и ему была очень симпатична жена Кена — Мод, приветливая, улыбчивая и какая-то очень теплая.

— Скажи своей крале, что твою пьесу взял лондонский театр и скоро ты станешь знаменитее Шекспира, — раздраженно буркнул Кен. И он, и Мод

на дух не переносили Дафну, все эти годы в гости к брату Алан заходил только один и всегда тайком.

Дома Алан сообщил, что сам уволился из журнала, потому что самый лучший лондонский театр заключил с ним выгодный контракт на пьесу. О, это будет великая пьеса, она его прославит! В Швейцарию Милн свою красавицу все-таки повез — невестка Мод одолжила ему денег.

Теперь Алан запирался с утра в кабинете и силился выжать из себя нечто гениальное и смешное одновременно. Единственную в своем роде пьесу, о которой будет говорить весь Лондон. Он в самом деле написал несколько неплохих пьес, и некоторые, в том числе «Мистер Пим проходит мимо», даже поставили в Лондоне, но грандиозного успеха не случилось: о Милне писали, что он «крепкий» драматург, но не более того. Дафна кисла, раздражалась, шипела на Алана, что он бездарность и она не понимает, как могла связать с ним жизнь. Больше всего на свете он боялся, что жена его бросит, этот страх преследовал его днем и ночью,

мешая работать. Он вбил себе в голову: если Дафна его бросит, вся его жизнь рухнет. Своими страхами однажды Алан поделился с Кеном:

— Если она уйдет, меня, как воздушный шар, проткнут иголкой, и я сдуюсь.

Их единственный сын Кристофер Робин, родившийся в 1920 году, с ранних лет стал свидетелем вечных недоразумений между матерью и отцом. К этому времени, чтобы задобрить Дафну, Милн купил чудесное поместье в Суссексе — Котчфорд-фарм, живописно раскинувшееся на холмах. Привольная жизнь на природе и абсолютная преданность няньки скрашивали детство Кристофера. Мать, кажется, вообще умудрилась не заметить, что он родился, и иногда смотрела на растущего мальчишку с изумлением: неужели этот шумный паршивец ее сын? Отец, наткнувшись на Кристофера, виновато улыбался, глупо подмигивал, задавал какой-нибудь дурацкий вопрос и иногда дарил игрушки. Именно Алан подарил сыну на его первый день рождения медвежонка Эдварда, ку-

пленного в лондонском универмаге Harrods.

Пока Кристофер в компании няньки носился по оврагам и палил из игрушечного ружья, отец, запершись в кабинете, предавался самобичеванию: рвал написанные страницы, обзывал себя бездарью, в сердцах ломал перья, отчаянно жалея о том, что не сделался школьным учителем. Он все еще мечтал написать главную книгу своей жизни, чтобы снять с себя жегшее душу обвинение Дафны в том, что он бездарь. Чтобы хоть как-то успокоить расшалившиеся нервы, Алан взял и написал «Винни-Пуха», вернее, несколько небольших рассказов с детскими игрушками в качестве героев. Разумеется, он даже не упомянул жене об этой пустяковой книжонке, просто тихо послал рукопись своему агенту, как посылал все, выходявшее из-под его пера.

Появление в Лондоне «Винни-Пуха» в октябре 1926 года произвело фурор, мгновенно превратив Милна в самого известного детского писателя, но только сам он очень долго отказывался верить в эту «дичь».

Первая журналистка, захотевшая лично взять интервью у автора «Пуха», была Роуз Файлман. В ноябре того же года она настойчиво звонила в дверь поместья в Суссексе. Ее предупреждающее письмо опоздало, и даму никто не ждал. Заспанная Дафна в пеньюаре и папильотках никак не могла понять, что нужно гостье. Алана не было дома — он уехал по делам в Лондон.

— Я главный редактор детского журнала Merry-Go-Round и приехала взять интервью у мистера Милна по поводу его потрясающей новой книги... — смущенно начала госпожа Файлман.

Дафна удивленно вздернула брови:

— Вы имеете в виду пьесу... — она заколебалась, так как никогда не знала названий пьес мужа.

— Нет, я имею в виду «Винни-Пуха», — пояснила дама.

— М-м, что-то не припоминаю, — промямлила Дафна, не приглашая гостью войти.

— Про медвежонка с опилками в голове, — продолжала миссис

Файлман, широко улыбаясь.

Но холеное лицо Дафны нахмурилось.

— Мой муж никогда не писал про медведей. Он серьезный драматург!

— Но Винни-Пух не медведь, он игрушка, — растерялась миссис Файлман.

— Мне кажется, вы ошиблись адресом, любезная миссис, не помню, как вас зовут.

Однако Роуз Файлман не сдавалась. Она достала из сумки книжку, на обложке которой был изображен толстый улыбающийся игрушечный медведь. Подскочив к телефону, Дафна набрала номер полиции и торопливо объяснила, что в их дом проникла сумасшедшая, толкующая что-то невразумительное про каких-то медведей.

Прибывший полицейский повертел в руках книжку, посмотрел на Дафну в пеньюаре и папильотках и на всякий случай спросил:

— Мэм, а вы действительно миссис Милн?

...Кристоферу тоже не раз приходила фантазия: может, Дафна вовсе не его мать, а просто тетя, на ко-

Однажды Кристофер сравнил отца с осликом Иа-Иа: Алан был таким же угрюмым, задумчивым и мнительным, целыми днями сидел взаперти в своем кабинете — что он там делал?

торой женился отец? Впрочем, отец тоже оставался для него загадкой...

Кристофер много раз задавался вопросом: почему пришедшая наконец к отцу слава, которой он все-

гда так жаждал, не только не удовлетворила его, а сделала в тысячу крат более несчастным, чем он был до того? Пусть эта слава и пришла с неожиданной стороны. «Винни-

Пух» мгновенно разошелся миллионными тиражами, издатели требовали бесконечных переизданий, фотографии Милна были во всех газетах и журналах, его перевозили, им восхищались, его книгу постоянно цитировали. Несомненно, в реакции Алана была виновата жена.

Дафна демонстрировала мужу глубокое, недоуменное презрение — прославиться из-за какого-то нелепого игрушечного медведя! Тем не менее по вторникам — в день, назначенный для приема посетителей, — она охотно позировала, ее ведь тоже вместе с ыном и дурацким игрушечным медведем фотографировали для журналов.

Бедный Алан страшно стыдился того, что его теперь считали исключительно детским писателем. Никого больше не интересовали ни его пьесы, ни романы, которые он начал писать.

Кстати, о его днях рождения жена часто забывала, и именно Кристофер обычно с укоризной напоминал матери о них. Спohватившись, Дафна неслась к себе в комнату и,

вернувшись, дарил мужу что-то вроде пустого бочонка из-под меда — например, какой-нибудь никому не нужный футляр для очков или завалявшуюся у нее в шкафу сумку; однажды умудрилась преподнести Алану собственный нераспакованный свитер, который он же ей и подарил.

В 1931 году в Нью-Йорке у Алана Милна в последний раз радостно загорелись глаза: бродвейский театр битком набит, шла его пьеса «Мистер Пим проходит мимо».

На приеме по поводу премьеры смущенный и счастливый Алан со всех сторон принимал поздравления. Но тем же вечером этот короткий душевный подъем сменился отчаянием: Дафна,

которую Алан три месяца возил по Америке и развлекал, не жалея денег, заявила мужу, что влюбилась в какого-то «настоящего» певца.

— Тебе имеет смысл подождать, пока я буду проверять свое чувство, — объявила Дафна и скрылась с горизонта на целых три года.

После американской поездки Кристофер не узнал отца: и без того худой, Алан совсем сдал — голубые глаза ввалились, нос заострился еще больше. Тем не менее те три года, что Дафна проверяла свое чувство в Америке, стали самыми счастливыми и для Алана, и для его сына.

Большую часть времени они проводили с семьей Кена; брат давно умер от

туберкулеза, зато его жена Мод и их четверо детей стали для Алана и Криса новой семьей. Неизвестно, были ли у Алана близкие отношения с невесткой, но то, что ему было рядом с Мод уютно и душевно комфортно, — наверняка.

Впервые в жизни Алана слушали, воспринимали всерьез, заботились по погоде ли он одет и хорошо ли спал. Каждый вечер перед сном подросток Кристофер молился о том, чтобы отец женился на тете Мод. Увы, не получилось... Произошло совсем другое: в Англию вернулась Дафна, которую бросил ее «настоящий» певец.

Бедная Мод выслушала сбивчивые, стыдливые признания Алана, что к этой «пустой и вздорной», как он теперь сам понимает, женщине его влечет какая-то роковая сила... Воссоединившиеся родители Кристофера вновь поселились в Суссексе, вот только сын наотрез отказался жить вместе с ними и остался у тети Мод.

Однажды Кристофер сравнил любовь своего отца к матери с любовью прустовского Свана к Одетте; Дафна даже в возрасте оставалась очень хороша: белоснежная кожа, изумительные формы;

Алану она по-прежнему казалась божеством, хотя на счет ее ума он больше не обольщался. Тем не менее Милн прилежно выполнял все её приказы, терпел, когда жена обзывала его детским писателем с опилками в голове. Он прилежно пропалывал белые розы Дафны — занятие, которое ненавидел, — когда в 1951 году с ним случился удар. Алан лежал полупарализованный, оглушенный свалившимся несчастьем, а жена твердила: она так и знала, он в конце концов превратит ее в сиделку. Тогда Алан, чтобы ей угодить, совершил последний героический поступок: тайком вызвал знакомого нейрохирурга и договорился с ним об операции на мозге, которая с большой долей вероятности избавит от паралича и не даст деградировать мозгу. Врач пытался его отговорить, но Милн уперся: он не хочет быть обузой для жены, уж лучше умереть. Позже Кристофер решит, что это была попытка отца быстрее умереть.

Лишь три дня после операции Алан сохранял ясное сознание; почувствовав, что рассудок начинает угасать, он с трудом нацарапал жене записку: «Отвези меня к Мод», однако Дафна не по-

трудилась разобрать каракули мужа.

После того как Милн впал в частичную кому, в которой провел несколько сумеречных лет, его в основном держали в клиниках — Дафна боялась находиться наедине с тяжелобольным сумасшедшим. При этом родственников мужа — ни Мод, ни племянников — она к нему не подпускала.

Кристофер всего пару раз навещал отца: для него это зрелище было невыносимым.

Милн отмучился 31 января 1956 года: на похоронах отца сын видел свою мать в последний раз, хотя она пережила мужа на 15 лет. После того как гроб Алана засыпали землей, он шепнул на ухо Дафне что-то такое, за что мать при всех ответила ему пощечиной. Кристофер криво усмехнулся, приподнял шляпу и зашагал прочь.

На похороны Дафны Милн ее единственный сын не приедет.

Источник:
<http://7days.ru/caravan/2013/1/alan-miln-vinnipukh-i-prochie-nepriyatnosti/19.htm#ixzz4UfRosCPw>